

Слово предъ панихидой по прот. Родіонѣ Путятинѣ въ день столѣтія со дня его рожденія.

Нынѣ исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія о. протоіерея Родіона Тимоѣевича Путятина, и мы собрались молитвенно почтить его память. Многое-бы можно было сказать о немъ и о его трудахъ пастырскихъ... но, подражая ему, я буду кратокъ въ словѣ.

Чѣмъ дорогъ для насъ поминаемый нынѣ протоіерей Путятинъ?

Это скромный пастырь труженикъ, по преимуществу пастырь проповѣдникъ, пастырь учитель. Его слово, — прекрасное въ своей простотѣ и искренности, дышущее глубокою вѣрою, сильное, какъ сокровище, сохранится еще на долгіе годы и будетъ для всѣхъ источникомъ назиданія и поученія. Въ этомъ словѣ его отпечатлѣлся духъ пастыря-проповѣдника, духъ ревности о спасеніи ближняго, глубокой вѣры, нѣжной любви къ церкви православной.

Щедро сѣялъ покойный протоіерей Путятинъ сѣмена Слова Божія, а „куда отъ пастыря церкви (ска-

жемъ его собственными словами) падеть сѣмя Слова Божія, туда тотчасъ отъ Бога льется дождь для поливанія его. Мы — пастыри—сороботники Иисусу Христу Пастыреначальнику, мы сѣмъ Его сѣмена, а Онъ поливаетъ и возвращаетъ ихъ ¹⁾. Глубоко вѣримъ, что благословенно и многоплодно сѣянiе покойнаго. Правда, трудно, такъ сказать, осязать плоды пастырскаго дѣланiя. Царствiе Божiе непостижимо и таинственно созрѣваетъ въ душахъ людей. Оно „подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ“ (Ев. Марк. IV, гл. 26—27). Но откуда въ душѣ народной часто глубокое пониманiе духа Христова, откуда нѣжная привязанность къ церкви православной, какъ не отъ истинныхъ, въ смиренiи и простотѣ своей великихъ учителей народныхъ, въ числѣ коихъ не послѣднiй поминаемый нами прот. Родiонъ Путятинъ.

Вѣчная ему память.

Упокой, Господи, душу вѣрнаго раба Твоего протоіерея Родiона!

Отцы и братіе!

Воздѣланная самоотверженными трудами добрыхъ пастырей, политая слезами ихъ нива народная нынѣ расхищается врагами вѣры и церкви. Да воодушевляетъ насъ, пастырей, высокій примѣръ прот. Родiона Путятина къ ревностному и непрестанному сѣянiю Слова Божія, и да укрѣпляется среди всѣхъ насъ примѣромъ и словомъ его преданность и любовь къ матери нашей — церкви православной. Свящ. *Евг. Кондратьевъ.*

Протоіерей Родiонъ Путятинъ, какъ пастырь и проповѣдникъ.

Текущій годъ обилень церковно-историческими юбилеями. 14 сентября исполнилось (и здѣсь-же, въ этомъ

¹⁾ Изъ поученiя при погребенiи прот. Матѳіа Гумилевскаго.

залѣ, 14 ноября будетъ справляться) 1500 лѣтъ со дня блаженной кончины вселенскаго великаго учителя и святителя, св. Іоанна Златоустаго; 21 сентября истекло 150 лѣтъ со дня прославленія святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго и всея Россіи чудотворца. Церкви Херсоно-Одесская и Таврическая вспоминали россійскаго Златоуста, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, по случаю 50-лѣтія со дня его кончины, послѣдовавшей 26 мая 1857 года. Церковь Кіевская готовится отпраздновать 21 будущаго декабря 50 лѣтіе-же со дня кончины Филарета (Амфитеатрова), митрополита Кіевскаго.

Да не пройдетъ неотмѣченнымъ и сегодняшній день, какъ день столѣтія со дня рожденія Родіона Путятина, вполсѣдствіи рыбинскаго соборнаго протоіерея, пастыря высокой духовной настроенности и благочестія, любимѣйшаго народнаго проповѣдника.

Юбилеи, въ особенности церковно-историческіе, имѣютъ то значеніе, что они оживляютъ въ памяти и поставляютъ въ поле нашего сознанія тѣхъ лицъ, кои оказали не только въ то время, когда они жили и дѣйствовали, благотворное вліяніе на окружающую жизнь, но и посѣяли въ ней сѣмена вѣчности. Посѣянное ими добро доселѣ живо и дѣйственно и ростки его, несомнѣнно, питаютъ многихъ изъ насъ и охраняютъ отъ разрушительнаго дѣйствія тѣхъ ядовитыхъ посѣвовъ, какіе въ наше время разсѣваются столь обильно самыми разнообразными путями и способами. Намъ слѣдуетъ *вспоминать* добрыхъ сѣятелей, *вдохновляться* у нихъ, *зажигаться* ихъ *огнемъ*, учиться у нихъ—*какъ* сѣять добро для противодѣйствія злу и *подражать* имъ въ этомъ. Вспомнимъ же о Родіона, какъ пастыря и проповѣдника.

Жизнь о. Родіона протекла скромно, въ безвѣстности. Въ ней нѣтъ какихъ-либо громкихъ, выдающихся и по-

ражающихъ событій. Онъ родился 4 ноября 1807 г. въ с. Путятинѣ, Сапожковскаго у., Рязанской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Обученный отцомъ дома грамотѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ Сапожковское духовное училище, окончивъ его — въ Рязанскую семинарію, а изъ нея, какъ лучший студентъ, въ 1830 г. отправленъ въ Московскую духовную академію. Въ 1834 г. онъ окончилъ курсъ академіи девятымъ магистромъ и въ томъ же году, въ августѣ, назначенъ профессоромъ словесности въ Ярославскую духовную семинарію, и вся его послѣдующая дѣятельность принадлежитъ Ярославской епархіи. Въ 1835 г. Путятинъ посвященъ въ священники къ Ярославской Тихоновской церкви, въ 1840 г. переведенъ въ кафедральный соборъ, въ 1844 г. — къ церкви Св. Духа и покинулъ занятія въ семинаріи. Въ слѣдующемъ 1845 г. по просьбѣ гражданъ г. Рыбинска о. Родіонъ перемѣщенъ настоятелемъ въ Рыбинскій соборъ, въ которомъ и служилъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1869 г. въ тотъ же 4-й день ноября, въ который онъ 62 года назадъ и родился.

Старожилы г. Рыбинска вспоминаютъ о. Родіона съ свѣтлою улыбкою, съ благословеніями его имени и съ молитвою объ упокоеніи его души. Могилу его, находящуюся въ притворѣ стараго Никольскаго собора, доселѣ усердно посѣщаютъ, особенно въ дни его памяти.

Матеріаломъ для характеристики пастырскихъ воззрѣній о. Родіона служатъ, конечно, и его *проповѣди*, но особенно яркій свѣтъ проливаетъ на эту дѣятельность его замѣчательный *дневникъ*, собственноручно имъ писанный, найденный, къ сожалѣнію — не въ цѣломъ видѣ, у жены брата о. Родіона въ 1903 году и напечатанный въ извлеченіяхъ въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“ (г. Рязскимъ) за прошлый 1906-й г.

Изъ этого дневника видно, что крѣпкая и глубокая вѣра въ Бога, въ живущую въ церкви благодать, въ дѣйственность благодати священства, — проникновенность мыслию, что учить нужно не словомъ только, но и примѣромъ собственной доброй жизни — были основными тонами въ настроеніи духа и убѣжденій о Родіона, дѣлали плодотворною его пастырскую дѣятельность и давали могучую силу вліянія его проповѣди.

Вѣра о. Родіона — безъ всякихъ сомнѣній, безъ колебаній маловѣрія, хотя-бы минутныхъ. „Что прежде всего нужно для спасенія души? — спрашиваетъ о. Родіонъ въ своемъ дневникѣ. — Вѣра. Хочешь просить у Бога? Вѣра нужна. Хочешь каяться? — Вѣра. За что ни примись въ дѣлѣ спасенія, вездѣ необходима вѣра. Что-же наша вѣра? Увѣренность въ *Спасителя*, увѣренность, что Онъ спасетъ тебя (черезъ таинства), черезъ то, чему тебя учитъ, что тебѣ велитъ дѣлать, чему велитъ тебѣ вѣровать. Эта вѣра проста, хотя и далеко видитъ. Она просто на все смотритъ, и оттого просто, какъ что есть, видитъ. Она не усиливается знать, не размышляетъ, потому что все съ перваго раза видитъ. Это непосредственное знаніе, духовное созерцаніе предмета вѣры“.

Глубокая вѣра и твердая надежда на спасеніе, при полномъ сознаніи собственной грѣховности, положили свѣтлый, жизнерадостный оттѣнокъ на все міросозерцаніе о. Родіона. Какъ спокойно, напр., рассуждаетъ онъ о смерти, которой такъ страшатся люди. „Не говори, пишетъ онъ, я долженъ умереть, а говори: я долженъ *перейти въ жизнь вѣчную*. Такъ легче, лучше, отраднѣе. Умереть страшно, а перейти въ другую жизнь — ничего“. — „Умереть я не боялся, пишетъ онъ послѣ одной своей тяжелой болѣзни, я вовсе не прочь былъ умереть. Но мнѣ не хотѣлось умереть въ такихъ мученіяхъ и страданіяхъ, въ такой ужасной физической тоскѣ, почти безсознательно умереть. Да, мнѣ хочется

умереть тихо, спокойно, безболѣзненно, — кончиною, о которой я всякій разъ прошу Господа; мнѣ хочется умереть, если можно, ясно улыбаясь; мнѣ хочется умереть точно такъ, какъ отъѣзжаютъ въ недалній путь, прощаясь съ близкими сердцу, улыбаясь. Сподоби, Господи, меня такъ умереть“.

При такомъ настроеніи, твердомъ и устойчивомъ, жизнь о. Родіона была не обыкновенною жизнію рядового священника, а была жизнію умнаго, высоко настроеннаго, необыкновенно добраго пастыря, беззавѣтно отданнаго долгу, скромнаго до самозабвенія. Этотъ человѣкъ не дѣлалъ ни одного шага, не спросившись совѣсти и не отказываясь отъ исполненія долга даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его жизни угрожала опасность. Къ нему, какъ къ опытному руководителю въ духовной жизни, стекались люди, удрученные горемъ, съ наболѣвшей душой, не только мірскіе, но даже иноки, — и всѣ находили въ немъ опытнаго, сердечнаго совѣтника. Самъ онъ постоянно слѣдилъ за собой и малѣйшее уклоненіе отъ долга обличалъ въ себѣ. Оттого жизнь его идетъ согласно съ его убѣжденіями, слово и дѣло у него не расходятся.

Разсуждая объ успѣхахъ проповѣди, о. Родіонъ однимъ изъ главныхъ условій этого успѣха поставляетъ *христіанскую добрую жизнь* самого проповѣдника. Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, непременно учитъ собою другого чему-нибудь хорошему или дурному, учитъ своею *жизнію* — дѣлами и словами. Въ словахъ и дѣлахъ видна вѣра и нравственность; въ нихъ, слѣдовательно, правило вѣры и образецъ нравственности. Проповѣдуя христіанское ученіе, пастырь, естественно, долженъ вести жизнь добрую. Дѣйствіе слова его на слушателей гораздо сильнѣе, когда онъ живетъ согласно слову, по-христіански. Наоборотъ, худой образъ жизни парализуетъ дѣйствіе проповѣдническаго слова. Пастырь — это свѣтильникъ

жизни. Своею жизнію онъ долженъ освящать и показывать тотъ путь, по которому должны идти пасомые. Своимъ поведеніемъ онъ показываетъ, что тотъ законъ, который онъ проповѣдуетъ, вполне осуществимъ въ жизни. Жизнь добраго пастыря всякаго, кто смотритъ на него, влечетъ къ совершенству. Слабы тамъ наставленія начальниковъ, наставниковъ, настоятелей, отцовъ, гдѣ они *собственнымъ ихъ примѣромъ* не подтвержаются. Наставленія ведутъ, а примѣры влекутъ.

И объ о. Родіонѣ можно сказать, что онъ сопровождалъ подвигъ проповѣди *собственнымъ* примѣромъ доброй жизни. Среди жизненной борьбы его почти не задѣла ни своя, ни людская злоба. У него не было и не могло быть враговъ. Онъ обладалъ тою душевною чистотою, которая, по его словамъ, и въ пустынѣ создаетъ рай. „Какъ - бы мнѣ довести себя до того, чтобы ничѣмъ не оскорбляться?—пишетъ о. Родіонъ. Думаю, что это сдѣлать можно, по крайней мѣрѣ постараюсь“.

Особенно привлекательною чертою въ характерѣ о. Родіона является его удивительная доброта, христіански-всепрощающая любовь ко всѣмъ. Онъ былъ такъ добръ, что, по собственному его признанію, для него невозможно было перестать быть добрымъ. По добротѣ своей онъ скорѣе былъ готовъ терпѣть непріятности, чѣмъ обидѣть ближняго. Добро, добрыя дѣла для о. Родіона—это та сфера, та обстановка жизни, въ которой онъ дышетъ свободно, въ которой онъ чувствуетъ себя счастливымъ. Наоборотъ, зло и злоба непріятны ему, противны его духу, какъ тьма свѣту. Злость—это источникъ человѣческаго несчастія, источникъ всѣхъ бѣдъ и страданій. Злой человѣкъ, по взгляду о. Родіона—несчастнѣйшій человѣкъ. Великое стараніе дѣлать добро, быть добрымъ, ничуть не ниже великихъ дарованій, высокихъ познаній, еще выше ставить людей, высокихъ по уму, по познанію. При добротѣ души можно достигнуть

того, чего и великіе умы не достигаютъ, хотя постигаютъ много.

Особенную любовь къ ближнимъ, соединенную съ самопожертвованіемъ, о. Родіонъ проявилъ въ холерное время, въ 1848 г. Болѣзнь сильно распространялась среди бѣднѣйшей части населенія г. Рыбинска и среди рабочихъ. Къ зараженнымъ больнымъ о. Родіонъ являлся, какъ ангелъ - хранитель и утѣшитель. Напутствуя умирающихъ, онъ оставшимся сиротамъ часто помогалъ собственными средствами. Онъ самъ ухаживалъ за больными судорабочими, которые лежали, брошенные на берегу Волги; онъ замѣнялъ собою докторовъ, насколько было возможно. Рассказываютъ, что онъ обыкновенно бралъ крапиву и растиралъ ею зараженныхъ, чтобы облегчить ихъ страданія. Онъ приносилъ жаждающимъ кипяченую воду, перемѣнялъ испачканную одежду больныхъ и самъ обмывалъ ихъ волжскою водою. Онъ не зналъ тогда отдыха и покоя ни днемъ, ни ночью. Впослѣдствіи онъ самъ удивлялся, какъ у него хватило силъ и духу являться ко всѣмъ больнымъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ. „По чувству любви къ жизни, говорилъ о. Родіонъ, мы тоже боялись, чтобы не умереть отъ болѣзни, но, по духу нашей церкви, мы еще *больше* боялись, чтобы кто изъ больныхъ не умеръ безъ Св. причастія“.

Доброту души своей о. Родіонъ проявлялъ въ дѣлахъ благотворенія. Всю жизнь свою онъ заботился о бѣдныхъ, обильно благотворилъ беспомощнымъ сиротамъ, голодающимъ бѣднякамъ. Одинъ изъ его сотрудниковъ по попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія говорилъ, по его смерти: „помянуть и благословятъ его наши духовные сироты и бѣдные“. Бѣдные мастеровые, судорабочіе, какихъ въ Рыбинскѣ бываетъ очень много, были постояннымъ предметомъ его заботъ. Онъ не только помогалъ имъ лично, но заботился объ организациі постоянной помощи бѣднымъ. Въ соборѣ была

учреждена постоянная кружка для бѣдныхъ Рыбинска, въ пользу бѣдныхъ онъ издалъ 17 своихъ краткихъ поученій и, лежа на смертномъ одрѣ, онъ думалъ о бѣднякахъ Рыбинска и завѣщалъ свой домъ подѣлать на бѣдную дѣльню.

Но особенно великую славу стяжалъ себѣ о. Родіонъ, какъ проповѣдникъ. Его поученія, какъ образцовыя, разбираются и изучаются во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается наука о проповѣди, помѣщаются, какъ избранныя, въ хрестоматіяхъ и проповѣдническихъ сборникахъ, служатъ лучшимъ пособіемъ для проповѣди простому народу и составляютъ любимое назидательное домашнее чтеніе для благочестивыхъ душъ. Объ ихъ высокихъ достоинствахъ говоритъ одно то, что они переизданы уже 25 разъ. Чѣмъ-же объяснить, что этотъ именно проповѣдникъ облюбованъ народомъ, какъ духовный учитель, гдѣ, или въ чемъ нашелъ прот. Путятинъ ключъ къ народному сердцу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ данъ, если мы узнаемъ: а) какъ смотрѣлъ о. Родіонъ на проповѣдь; б) какъ онъ этимъ дѣломъ занимался и в) гдѣ искалъ вдохновенія для своихъ поученій.

Дѣло церковнаго учительства о. Родіонъ любилъ, относясь къ нему не только серьезно, но съ увлеченіемъ. Этому дѣлу онъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими своими дѣлами. Онъ находилъ въ этомъ дѣлѣ особенное наслажденіе и утѣшеніе, несмотря на всѣ страданія, съ которыми былъ сопряженъ этотъ трудъ. „Есть какое-то утѣшеніе, когда съ удовольствіемъ читаешь свое, утѣшеніе, подобное, можетъ быть тому, какое чувствуетъ мать настоящая, когда смотритъ на свое дитя, стоившее ей мукъ большихъ“. А иногда составить поученіе стоило о. Родіону, дѣйствительно, большихъ мукъ, какъ видно изъ его дневника. Проницательный святитель, Филаретъ Московскій, прочитавъ

сборникъ поученій о. Родіона и, оставшись вполне доволенъ ими, сказалъ: „кратки поученія, а составить ихъ стоило автору большого труда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда поученіе почему-либо не давалось о. Родіону, онъ обращался съ молитвою къ Богу. Послѣ одной неудачной попытки составить поученіе, онъ пишетъ: „Все не то, все не такъ. Такъ что-же, такъ какъ-же? Господи, вразуми меня, что я долженъ говорить! Мнѣ хочется говорить, мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется. Ты, Господи, Самъ скажи мнѣ, что и какъ я долженъ говорить“. „Пошли мнѣ, Господи, мысль какую-нибудь святую, которою бы освятилась и оживилась холодная душа моя, и которую я могъ бы завтра передать другимъ, подобнымъ мнѣ“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ дневника.

Источникомъ вдохновенія при составленіи поученій было для о. Родіона прежде всего слово Божіе, особенно — Новый Завѣтъ. Еще въ бытность свою въ Академіи, какъ пишетъ одинъ товарищъ о. Родіона, послѣдній особенную любовь питалъ къ Евангелію и всегда восторгался простотою и безыскусственностію апостольской рѣчи, ея назидательностію. Въ подражаніи слову Божію о. Родіону удалось достигнуть исключительнаго совершенства и всѣ его поученія запечатлѣны евангельскою простотою. Въ своемъ дневникѣ онъ очень часто пишетъ о необходимости постоянно читать слово Божіе. „Мы не только должны читать, но изучать, заучивать, какъ свои пять пальцевъ должны знать слово Божіе“.

Слово Божіе должно служить и вдохновеніемъ и идеаломъ, съ точки зрѣнія котораго проповѣдникъ судить о дѣйствительной жизни. Но проповѣдникъ долженъ усвоить, познать этотъ идеалъ такъ, чтобы онъ сталъ частію его духовнаго существа; онъ долженъ проникнуться словомъ Божиимъ, убѣдиться въ истинности его

настолько, чтобы оно *одушевляло его*, побуждало говорить. Только при такомъ услови въ рѣчи его будетъ нравственная сила и мощь, предъ которыми падаютъ всѣ возраженія упрямаго невѣрія и всѣ сомнѣнія колеблющагося ума. Убѣждаетъ только тотъ, кто самъ убѣжденъ. Проповѣдникъ, не усвоившій себѣ евангельскаго духа, не найдетъ въ своей душѣ источника вдохновенія и силы для живой, убѣдительной бесѣды. Только тотъ можетъ быть истиннымъ проповѣдникомъ, кто проникся ученіемъ Христа, у кого въ груди таится жаръ любви къ святому идеалу. *Впробахъ*, тѣмже возглаголахъ. Я *убѣжденъ* въ этомъ, потому и говорю.

Если проповѣдникъ убѣжденъ, то онъ въ своей рѣчи будетъ искреннимъ, а искренность рѣчи—великая сила. „Вотъ было бы хорошо, пишетъ о. Родіонъ, еслибы *нужда* заставляла насъ говорить, т. е. если бы намъ почаще бывать въ такомъ настроеніи духа, что нельзя утерпѣть, чтобы не сказать чего-нибудь... Я былъ нѣмъ и безгласенъ. Молчалъ, молчалъ даже о добромъ. Но распалилось *сердце* внутри меня, въ мысляхъ моихъ разгорѣлся *огонь*; я сталъ говорить языкомъ моимъ (Пс. 38, 3, 4). Искренность и убѣжденность кладутъ индивидуальнй отгѣнокъ на рѣчь говорящаго, сообщаютъ ей жизнь и духъ самого автора. Рѣчь искренняго человѣка намъ кажется всегда оригинальною; отъ нея вѣетъ чѣмъ то новымъ, свѣжимъ, привлекательнымъ.

Такимъ образомъ, проповѣдь у о. Родіона не только долгъ, но и дѣло психической *необходимости* — „сказать отъ избытка *сердца*“. Проповѣдь приноситъ проповѣднику не только *удовлетвореніе*, сознание исполненнаго долга, но, что дороже еще, *наслажденіе*.

Послѣ Свящ. Писанія, источникомъ и руководствомъ при составленіи поученій служили о. Родіону творенія Св. Отцевъ, ибо они, „что ни говорили, говорили по убѣжденію, съ чувствомъ; въ нихъ замѣтна важность

какая то святая, прямая, откровенная; они пишутъ, яко власть имѣющіе“. Пользовался онъ также Четви-Минеями и Прологомъ, не избѣгалъ и свѣтской литературы, которая, кстати замѣтить, была тогда, сравнительно съ настоящей, чиста и возвышенна; въ ней не было и малѣйшей доли того цинизма и той порнографіи, которая теперь такъ развилась у насъ и выдвинула цѣлый рядъ писателей-развратителей, въ родѣ Горькаго или Андреева. О. Родіонъ перечитывалъ многихъ русскихъ писателей и поэтовъ и изучалъ по нимъ геній родного языка. Онъ учился у образцовыхъ писателей выражаться просто, ясно и изящно. Особенно онъ любилъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Кольцова.

Темы, которыя бралъ о. Родіонъ для своихъ поученій, чрезвычайно разнообразны, но всегда онъ раскрывалъ ихъ близко къ жизни, примѣняясь къ развитію, потребностямъ и нуждамъ своихъ пасомыхъ. „Говорятъ, пишетъ о. Родіонъ, что проповѣди наши—поученіе на данную тему. Нѣтъ, онѣ должны быть на данную *жизнь*, къ жизни должны относиться. Что для народа по твоему усмотрѣнію нужнѣе, полезнѣе, о томъ и говори скорѣе. Говори о томъ, чѣмъ слушатели сейчасъ могутъ воспользоваться для себя“.

Наблюдая нужды своихъ пасомыхъ, о. Родіонъ утѣшалъ ихъ въ скорбяхъ, открывалъ имъ истинный источникъ радости въ христіанскомъ ученіи, разъяснялъ имъ смыслъ ихъ жизни, научалъ, какъ по-христіански вести себя при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни. Чѣмъ бы ни ознаменовалась жизнь его паствы, на все откликнулся о. Родіонъ съ своей кѣедрой. Замѣчаетъ ли онъ пороки въ обществѣ, обиды, злоупотребленія, нарушеніе правъ ближняго—это даетъ ему поводъ кротко обличить; устрояется ли церковь, производятся ли выборы на общественныя должности, появляется ли эпидемія, распространяется ли старообрядчество, обнаруживаются

ли факты грубости и невѣжества — все онъ замѣчалъ и обсуждалъ просто, съ христіанской точки зрѣнія. Не было такого маленькаго событія, на которое не обратилъ бы вниманія о. Родіонъ. Покойный преосвящ. Муромскій Андрей, бывшій инспекторъ Ярославской семинаріи, рассказываетъ, что одно время въ Рыбинскѣ было нѣсколько случаевъ отравленія соленой рыбой. Желая предохранить свою паству отъ несчастныхъ случаевъ, о. Родіонъ произнесъ поученіе „о соленой рыбѣ“, начавши его такъ: „Сегодня, слушатели, я буду говорить о соленой рыбѣ“.

Чрезвычайно оригинальный взглядъ о. Родіона на *народность* проповѣди, т. е. на условія, при которыхъ она можетъ быть близка народной душѣ, сродна ея запросамъ, а потому можетъ быть любима народомъ и можетъ вліять на него. По его мнѣнію, народность проповѣди — *совсѣмъ не въ подражаніи* народной рѣчи, или, — такъ какъ подражать языку, котораго не знаешь, трудно — не въ поддѣлкахъ подъ него. Нѣтъ. Наша проповѣдь будетъ вполне народною только тогда, когда она будетъ *истинною*, священною, церковною пѣснію. Какъ пѣсня, поученіе ближе подойдетъ къ народному сердцу, къ уму слушателей, любящихъ въ тоскѣ и радости пѣть; оно будетъ чаще на устахъ слушателей, ибо народъ нашъ любитъ пѣть. Кромѣ того, оно будетъ заслуживать полнаго довѣрія, ибо въ пѣснѣ всегда искреннее чувство выражается, правда дышетъ. Изъ пѣсни слова не выкинешь, говорить нашъ народъ. Пѣсня была, а сказка — складка. Можно лгать, когда говоришь, но нельзя обманывать, когда поешь. Ни одно изъ богодухновенныхъ писаній не повторяется такъ часто церковію, какъ псалмы Давидовы. Отчего? Отъ того, кажется, что они пѣсни, а не простое только изложеніе истинъ и правилъ; они не питаютъ только, но и услаждаютъ. И наши поученія къ народу, чтобы быть народными, должны быть

поучительными пѣснями. Ничто такъ не употребительно, какъ пѣснь. Весело мнѣ—я пою. Скучно—я пою. Ни то, ни се мнѣ, и тутъ я ищу, соображаю, что бы попѣть. Оттого мнѣ ни то, ни се, что пѣть я не могу, на пѣсню не нападу. Есть люди, которые никогда не поютъ. Но они устами, голосомъ, языкомъ только не поютъ, а думами, сердцемъ, чувствованіями поютъ. Духомъ *молиться* можно, можно и *тѣть* духомъ.

О. Родіонъ всю жизнь свою непрестанно трудился надъ развитіемъ своего таланта и пользовался для этого всѣмъ, что давала ему современная жизнь. Труды его увѣнчались успѣхомъ. Талантъ его крѣпъ и росъ. Росла вмѣстѣ съ тѣмъ и слава его, какъ проповѣдника, и достигла до царскихъ палатъ. Приходилось читать, что Императоръ Николай I Павловичъ имѣлъ всегда на своемъ столѣ три книги: Новый Заветъ, басни Крылова и поученія Путьянина. Въ 1863 г. Рыбинскъ посѣтилъ Наслѣдникъ престола, Николай Александровичъ. При встрѣчѣ его о. Родіонъ сказалъ привѣтственную рѣчь и преподнесъ ему книжку своихъ поученій. Рѣчь очень понравилась Наслѣднику и онъ благодарилъ проповѣдника: „Благодарю Васъ. Проповѣдь Ваша мнѣ очень понравилась; она пала мнѣ на сердце, и, вѣрьте, словъ Вашихъ я не забуду“. Въ 1867 году о. Родіонъ былъ снова удостоенъ вниманія Высочайшихъ Особъ. Въ этотъ годъ Рыбинскъ посѣтилъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. При встрѣчѣ Цесаревича о. Родіонъ преподнесъ ему книжку своихъ поученій, и былъ удостоенъ Высочайшаго вниманія и благодарности. Въ 1866 г. Рыбинскъ посѣтилъ великій князь Алексѣй Александровичъ, который при встрѣчѣ его духовенствомъ долго бесѣдовалъ съ о. Родіономъ и, прощаясь, просилъ у него благословенія. Эти моменты для о. Родіона были лучами свѣта, озарявшими его трудовую, скромную жизнь.

Поученія о. Родіона были отраженіемъ его кристально-чистой, незлобивой души. А живая *личность* такъ тѣсно связана съ благовѣстіемъ, что хотя это благовѣстіе можетъ принимать самыя разнообразныя формы, но его высшее и совершеннѣйшее выраженіе находится въ характерѣ и жизни проповѣдника въ такой мѣрѣ, въ какой Христосъ пребываетъ въ немъ. Какъ Христосъ Спаситель былъ воплощеніемъ истины въ смыслѣ прямомъ и безконечномъ, такъ проповѣдникъ Христовой истины есть воплощеніе этой истины въ смыслѣ ограниченномъ, вторичномъ. Проповѣдь не должна только выходить изъ лабораторіи мозга проповѣдника, а должна быть живымъ произведеніемъ, зачатымъ и выношеннымъ въ его душѣ, растущимъ и стремящимся къ появленію на свѣтъ. Отсюда — необходимость для проповѣдника искренности, безкорыстія, силы, духовности, стремленія уподобляться Христу.

Всѣ эти черты были присущи о. Родіону Путятину, какъ проповѣднику, онѣ даютъ себя чувствовать и теперь, какъ незримое и неосязаемое духовное благоуханіе, когда мы читаемъ его поученія. Онѣ и сдѣлали его любимѣйшимъ народнымъ проповѣдникомъ.

Протоіерей П. Лахостскій.

Освященіе храма въ с. Медумахъ, Петергофскаго уѣзда.

25-го октября происходило освѣщеніе церкви въ селѣ Медумахъ. Прежній тѣсный трехпредѣльный храмъ сдѣланъ просторнымъ — однопредѣльнымъ — и радуется взоръ молящихся чистотой и вкусомъ отдѣлки. Чинъ освященія совершилъ мѣстный о. благочинный ключарь Андреевскаго собора протоіерей о. Александръ Половъ въ сослуженіи окрестныхъ священниковъ. Наканунѣ была совершена всенощная. Послѣ всенощной о. благочиннымъ былъ объясненъ молящимся чинъ и смыслъ